

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМЕ «СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА»

29 февраля и 1 марта 1968 г. был проведен симпозиум по проблеме «Становление человеческого общества», подготовленный и организованный Бюро Секции по изучению закономерностей истории первобытнообщинного и рабовладельческого общества при Отделении истории АН СССР.

На симпозиуме, число участников которого превышало 200 человек, присутствовали представители многих научных учреждений и организаций Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Киева и других городов.

Открывая симпозиум, директор Института археологии АН СССР академик Б. А. Рыбаков отметил в своем вступительном слове, что за последние годы, в свете новых открытий в СССР и за рубежом, перед исторической наукой по-новому встали некоторые кардинальные проблемы древнейшего прошлого человечества. Таковы в первую очередь проблемы родового строя, проблемы взаимодействия общества и географической среды (влияние на развитие общества стабильных природных условий и природных катаклизмов), проблемы первобытного мировоззрения и хронологической глубины фольклора. В науке до сих пор нет стройной картины развития мировоззрения в первобытном обществе по этапам, сейчас только начинается использование произведений первобытного искусства в качестве источника в изучении первобытного мышления. Далеко не исчерпаны и возможности сопоставлений фольклора с историко-археологическими реалиями. Между тем время показало, сколь справедливы были мысли, высказанные еще в 1948 г. В. Я. Прошом о глубокой древности основных мотивов мирового фольклора. Сейчас, например, есть достаточно веские основания предполагать, что мифы о Прометее сложились задолго до возникновения людей современного типа (*Homo sapiens*), на стадии неандертальца или питекантропа. Не исключено, что мотивы борьбы мифического героя с чудовищем отражали первоначально борьбу палеолитического охотника с мамонтом, что мифологический образ одинокого героя и его странствий возник у бродячих охотников мезолита, а сказки XIX столетия сохранили до наших дней, в частности, картины инициаций у людей каменного века. Ясно, что решение многочисленных проблем формирования человеческого общества может быть достигнуто лишь совместными усилиями специалистов различных областей знаний. В качестве первого этапа этой сложной работы значительный интерес может представлять предварительный обмен мнениями, конкретизация проблем и выявление различных точек зрения в отношении к узловым задачам и вопросам. Эту цель и преследует данный симпозиум, посвященный древнейшим моментам формирования человека и общества.

Работа симпозиума началась тремя обзорными докладами, характеризующими состояние разработки проблем формирования человечества в археологических, антропологических и философских исследованиях.

Доклад П. И. Борисковского «Проблема становления человеческого общества и археологические открытия последних десяти лет» дал подробную и четкую картину основных документальных материалов, обнаруженных за минувшее десятилетие, составившее эпоху в изучении древнекаменного века. Стройные схемы, логичные представления об этапах возникновения человечества и первоначального его развития в условиях раннего палеолита, бытовавшие еще 15—20 лет назад, рушатся под напором последних археологических открытий. Ряд этих открытий начинается с находки английских археологов Л. и М. Лики в 1959—1964 гг. в Олдовэйском ущелье (Республика Танзания, Юго-Восточная Африка) костей обезьяноподобного челове-

ка (*Homo Habilis* или президжантроп)¹, рядом с грубыми каменными орудиями, изготовленными путем раскалывания гальки. Возраст костей — 1 млн. 750 тыс. лет, т. е. *Homo Habilis* — современник австралопитека, почти на миллион лет старше питекантропа с о-ва Ява, которого до последнего времени считали древнейшим обезьяноподобным человеком, изготовлявшим орудия. Авторитетные специалисты из ряда стран побывали на месте сенсационных находок в Олдовэйском ущелье и признали подлинность находок и их датировок. Таким образом, решающий, поворотный рубеж — начало истории человечества и человеческого общества — удревняется почти вдвое и пролетает около 2 млн. лет назад.

Вторым по важности в ряду археологических открытий последнего десятилетия докладчик называет находки обезьяноподобных людей миндельского времени в стоянке Вертешселеш близ Будапешта. Известный венгерский археолог Л. Вертеш в ходе раскопок этого охотничьего стойбища обнаружил культурный слой со следами кострища, более 4000 изделий из камня и фрагменты черепа одного из создателей этих орудий — древнейшего жителя Европы, осваивавшего материк около 600 тыс. лет назад. Еще более древние следы, представленные лишь каменными орудиями, обнаружены в пещере Валлоне на юге Франции; они свидетельствуют о заселении Европы еще в нижнем плейстоцене, около 1 млн. лет назад. И скорее всего это не были стада или группы бродячих охотников. Уже в столь отдаленные времена, как начало ашельской эпохи, обезьяно-люди ведут оседлый образ жизни в долговременных стойбищах, где горят костры и систематически разделяется охотничья добыча: туши слонов, носорогов, зубров, лошадей. Об этом говорят результаты широких раскопок стойбищ Торральба и Амбрана в Центральной Испании.

В СССР изучение древнего палеолита также отмечено в последние годы значительными достижениями. На Кавказе В. П. Любин и А. Н. Калантадзе обнаружили среднеашельские охотничьи стойбища в пещерах Кударо, Цонская и Адыхская. В Южном Казахстане Х. А. Алпысбаев и А. Г. Медоев проследили наиболее ранние этапы древнего палеолита, в котором тесные связи с кремневой индустрией Крыма и Кавказа того же времени не вызывают сомнений. Наконец, международный резонанс получило открытие А. П. Чернышом жилища мустьерских людей в Молодова-1 на Днестре (размеры жилища 5 × 8 м). Жилые конструкции и строения являются одним из важнейших вещественных источников для анализа хозяйственной жизни и социальных связей в первобытном обществе древнекаменного века и введение в науку этого источника является заслугой советских археологов. Именно они 40 лет назад ввели в мировую науку представления о жилищах позднего палеолита, указали на их признаки и методику выявления, теперь в СССР впервые показано существование жилищ и в мустьерскую эпоху. На этой основе, подчеркивает П. И. Борисковский, создавалась возможность ряду зарубежных исследователей, в том числе Ж. Комбе во Франции, выявить свидетельства о строительстве простейших жилых сооружений и еще в ашельскую эпоху, и, таким образом, элементы довольно сложной социальной организации первобытного общества, нашедшие отражение в коллективном строительстве и долговременной эксплуатации жилищ, значительно удревняются. То же самое можно сказать и о вещественных следах духовной жизни, мировоззрения, идеологии палеолитических людей. После открытий в пещере Базуа (Северо-Западная Италия), где в 400 м от входа в пещеру неандертальцы метали куски глины в сталагмит, напоминающий очертания зверя; в пещере Регурду (Юго-Западная Франция), где в кольцевой опалубке, сделанной мустьерскими людьми из каменных глыб, были захоронены кости пещерного медведя, — уже невозможно сомневаться в существовании магических представлений и обрядов еще в мустьерскую эпоху. Круг из рогов козла в Тешик-Таше вокруг могилы мальчика-неандертальца, склады черепов пещерных медведей в Драхенлохе и Петерсхеле, оставленные мустьерцами, получили теперь столь явные аналогии, что скепсис относительно намеренности этих действий и их связи с магическими обрядами и представлениями утрачивает под собой почву.

Собственно археологические документы и свидетельства значительного удревнения тех социальных институтов и проявлений сознательной деятельности, которые до последнего времени считали принадлежностью лишь позднего палеолита, докладчик удачно подкрепляет новыми результатами экспериментальных работ С. А. Семенова, показавшими более высокую производительность труда палеолитических людей при изготовлении каменных орудий, чем считалось до сих пор (например, при его экспериментах ручное рубило изготавливалось за 30 минут, тогда как раньше этот процесс исчисляли многими днями), а также результатами многолетних наблюдений стадной жизни павианов, горилл, шимпанзе на воле, в естественных условиях, обнаруживших в стадах высших обезьян зачаточные проявления взаимопомощи, манипулирования предметами для добывания пищи, охоты на мелкую дичь.

¹ Подробнее об этих находках см. в сборнике «Ископаемые гоминиды и происхождение человека», «Труды Института этнографии АН СССР», т. 92, М., 1966.

Открытия последнего десятилетия, взятые в совокупности, значительно усложняют картину становления человеческого общества. Но это, подчеркивает докладчик, не заставляет еще отказаться от основных этапов становления первобытнообщинного строя, выделенных советскими исследователями достаточно давно. Критерий искусственной обработки камня, изготовления из него орудий труда по-прежнему является главным рубежом первобытного стада — хотя этот рубеж отнесен благодаря новым находкам на 2 млн. лет. Первобытное стадо — это человеческое общество в самом начале его развития, когда, в отличие от всех последующих эпох человеческой истории, развивалась не только техника, орудия, хозяйственные отношения людей, но и развивался, довольно существенно, сам физический облик человека, а биологические факторы (приспособление к среде, отбор и т. п.) играли еще большую роль. Верхняя граница первобытного стада и переход к родовой общине, по мнению П. И. Борисковского, пролегал на грани между неандертальцем и человеком современного физического типа, на грани между древним и поздним палеолитом. Присоединяясь к мнению А. Леруа-Гурана и других исследователей, докладчик подчеркивает глубокую разницу в характере локальных различий культуры нижнего палеолита, с одной стороны, и в культурах верхнего палеолита, — с другой. Если галечная культура сходна во всем мире, если ашель Египта не отличается от ашеля Темзы, а мустье Ливана почти не отличимо от мустье Пиренеев, то в верхнем палеолите, напротив, ориньякские и траветтийские комплексы орудий не одинаковы в Испании и в Австрии. Этот скачок (в философском значении слова) разделяет два этапа развития одной и той же общественно-экономической формации (первобытнообщинного строя), и поэтому его нельзя сопоставить со скачком от животного к человеку, знаменовавшим появление человеческого общества и имевшим несравненно более крупное историческое значение.

В докладе В. П. Алексеева «Антропологические аспекты проблемы происхождения и становления человеческого общества» приводится указание на значение разнообразных подходов к определению места человека в мироздании. Докладчик выделяет два особо важных направления в этой проблематике. Первое из них связано с выявлением особого этапа в жизни планеты, связанного с человеческой деятельностью, с представлением о человеке как о социальном организме, с преобразующей деятельностью человека в планетарном и космическом масштабах. Второе направление — это подход антропологический, оценка человека в качестве прежде всего биологического организма. Этот подход подразумевает определение места человека в системе биологической классификации, установление его сравнительно анатомического своеобразия. При первом подходе предметом рассмотрения, по мнению докладчика, является преимущественно общество; при втором — сам человек и его биологическая специфика. Это два разных аспекта одной проблемы и анализировать их следует, по мнению докладчика, каждый в отдельности. Поэтому он считает неправомерным применение в качестве основы для биологической систематики человека критерия орудийной деятельности: это привнесение социального момента в выделение биологической категории.

В качестве основных морфологических отличий семейства гоминид от других семейств отряда приматов докладчик называет: прямохождение, кисть руки с противопоставляющимся большим пальцем, высокоразвитый мозг, — т. е. так называемую гоминидную триаду. Находки костей скелета презиндкантропа свидетельствуют о том, что прямохождение у него уже полностью сформировалось. Теперь можно говорить о появлении прямохождения на рубеже третичного и четвертичного периодов. Именно этот признак (два других показателя в триаде видоизменяются позднее) дает основание для выделения семейства гоминид. Ряд данных (в том числе и Олдовэйские находки) позволяет говорить о почти полном совпадении во времени формирования прямохождения и первых начатков трудовой деятельности древнейших гоминид (австралопитека, презиндкантропа). Два других элемента гоминидной триады (кисть, мозг) развиваются медленнее, чем прямохождение. Ориентировочно можно выявить важный рубеж в эволюции кисти на стадии питекантропа и синантропа, когда человек начинает вырабатывать сложные орудия типа ручных рубил. В этот же период происходит значительное увеличение массы мозга, которая к этому времени превосходит уже условный, впрочем совершенно произвольно установленный А. Валлуа «мозговой рубикон» в 800 см³, будто бы отделяющий антропоморфных существ от первых людей.

Далее докладчик касается принципиальных вопросов систематики гоминид, в связи с чем, предвосхищая дальнейшее изложение доклада, необходимо в интересах читателя привести предложенную им классификацию в окончательном ее виде:²

² Докладчик отмечает, что в соответствии с этой классификацией презиндкантроп, даже если подтвердится родовой таксономический ранг этой находки, не должен именоваться *Homo Habilis* (человек умелый или способный), а *Australopithecus* или *Paranthropus habilis*.

Семейство: человечьи (Fam. Hominidae Gray 1825)

1-е подсемейство: австралопитеки (Subfam. Australopithecinae Gregory et Hellman 1939)

2-е подсемейство: люди собственно (Subfam. Homininae Gregory et Hellman, 1939)

1-й ряд: питекантроп (Genus Pithecanthropus Dubois, 1894)

2-й ряд: человек (Genus Homo Linnaeus, 1758)

1-й вид: человек неандертальский (Homo neanderthalensis King, 1861)

2-й вид: человек разумный (Homo sapiens Linnaeus, 1758).

В пределах подсемейства гоминине наиболее существенные структурные преобразования претерпевает мозг, а так как ко времени возникновения этого подсемейства два других члена гоминидной триады (прямохождение и кисть руки) можно считать окончательно оформившимися, то дальнейшее внутреннее деление подсемейства может быть произведено преимущественно на основании изменений структуры мозга и сопровождающих эти изменения преобразований черепа. Объединение в один род неандертальца (палеоантропа) и гомо сапенса (неоантропа) тем более обосновано, что в период появления последнего структурная перестройка мозга не прекращается, а под влиянием естественного отбора первоначально очень активна.

Возникает необходимость сопоставить установленные морфологически подразделения семейства гоминине с выделенными по археологическим признакам периодами в развитии орудийной деятельности древних людей. В последнее время наиболее часто значительным рубежом в развитии каменных индустрий древности признают время начала верхнего палеолита, т. е. эпоху формирования неантропа. Предшествующие этапы археологической периодизации (шелльская, ашельская и мустьерская эпохи) относят к древнему или нижнему палеолиту, связывая их с деятельностью архантропа (питекантропа) и неандертальца. Однако, оценивая современные данные о мустьерской эпохе, видя в ней формирование многих основных черт позднейшей человеческой культуры (набор разнообразных орудий; формирование стойких локальных культур; строительство жилищ, сложные ритуалы, в частности погребальный; возможные зачатки искусства), развивающихся в позднем палеолите, можно прийти к выводу, что это время необходимо выделять (как и прежде было принято) в особую эпоху — средний палеолит, более близкий по своей характеристике к позднему (верхнему), чем к древнему (нижнему) палеолиту. Это положение вполне точно координируется с существованием в это время (средний и поздний палеолит) двух последовательно возникающих видов рода гомо — палеоантропов и неантропов.

В связи с рассмотренными выше вопросами, т. е. биологической спецификой эволюции гоминид и эволюции их трудовой деятельности, выражавшейся прежде всего в развитии орудий труда, возникает вопрос о формах общественной организации и их эволюции, сопутствующих указанным формам развития. Несомненно, что ко времени австралопитецине коллективы гоминид начинают приобретать специфические особенности, отличающие их организацию от стад обезьян, но это еще форма первобытного стада пусть и усложнившегося в процессе эволюции. Этот период господства первичной формы стада сменяется, видимо, родовой организацией лишь в связи с возникновением в стадах палеоантропов.

А. Г. С п и р к и н, автор третьего пленарного доклада — «Историческое становление сознания и самосознания человека», остановился на ряде философских проблем, возникших в ходе изучения деятельности и сознания ископаемых людей, акцентируя главное внимание на творческой деятельности и сознании ископаемых людей, акцентируя экскурс в историю психического развития животных и ссылаясь на исследования Н. А. Бернштейна в области физиологии активности позволили докладчику следующим образом трактовать процесс становления сознания. За многие миллионы лет естественной предыстории создания в ходе развития животного мира сложились биологические предпосылки для появления сознательной деятельности. Эти предпосылки позволяли животным не только приспосабливаться к окружающей природной среде, но и мысленно опережать события и свои действия. Поведение животных, особенно высших млекопитающих, таким образом, не ограничивается сферой инстинктов, но и является определенной проекцией в будущее. Мышление высших обезьян при всей его элементарности и конкретности позволяет им оперировать орудиями без предварительного научения. Но лишь одна обезьяна — и в этом коренное различие между мышлением животных и мышлением человека — не может проецировать в будущее того, чего не было в качестве образца в ее прошлом опыте. Человек же преодолел это ограничение: он стал создавать орудия по образцу, которого до него не было в природе. Процесс становления человека как общественного явления явился процессом разложения инстинктивной основы психики животных и процессом формирования механизмов сознательной деятельности. Главную роль для последнего процесса играли три фактора: труд, речь, общественные отношения. Внешняя логика трудовых действий — несовместимая, по мнению докладчика, с инстинктивными действиями — постепенно переросла в логику человеческого мышления. Благодаря языку мысль человека смогла объективироваться, что значительно стимулировало творческое комбинирование образов в

сознании, создание из обычных впечатлений необычных комбинаций. Довольно раннее появление искусства и первых зачатков научных представлений ясно свидетельствуют о развитии первобытного общества в древнекаменном веке, которое, подчеркивает А. Г. Спиркин, не могло развиваться без развития самосознания ископаемых людей. Докладчик рассматривает выделенные им три составные части самосознания: самопознание, самоотношение, самооценка. Ископаемые люди очень рано осознают свое место в круговороте мироздания. Вместе с тем, жизнь в обществе постоянно требовала от них познания не только внешнего мира, но и самих себя: это необходимо и для правильной ориентировки человека в собственной личности, и для регулирования поведения в условиях общества. Правственные установки, правила, критерии закономерного возникают в первобытном обществе одновременно с техническими, эстетическими, познавательными, религиозными его действиями. Формирование оценочного момента сознания и самосознания также социально обусловлено, как и формирование момента познавательного. Ибо, подчеркивает докладчик, истинным субъектом сознания, мышления, самосознания всегда являлся и является социальный организм, общество — в лице отдельного человека, индивида, с помощью его мозга.

Заключая свой доклад, А. Г. Спиркин высказал ряд критических замечаний по поводу доклада В. И. Алексеева. По мнению А. Г. Спиркина, было бы преувеличением считать прямохождение решающим фактором морфологической эволюции человека: это, действительно, фактор важный, но не решающий. Во-вторых, разграничение антропологического и философского подходов к проблемам антропогенеза не должно исключать изучения социальной природы человека в рамках антропологии. Наконец, как философ он отрицает противопоставление человечества всей остальной материи: появление человека не выпадает из общей цепи развития мироздания, представляет собой высшую форму развития материи.

Доклады вызвали очень оживленную и плодотворную дискуссию. В ней одинаково горячо приняли участие представители исторических, естественных и философских наук.³

В наибольшем числе выступлений рассматривались вопросы, связанные с интерпретацией археологических и геологических данных, касающихся происхождения человечества.

В выступлении А. Н. Рогачева подчеркнуто большое положительное значение новых данных, позволяющих говорить о большей древности человеческой культуры, чем считалось до недавнего времени. А. Н. Рогачев считает возможным отнести начало родовой организации, первые этапы ее формирования, к нижнему палеолиту. Одновременно он подчеркивает, что в вопросе о периодизации палеолитической эпохи до сих пор в мировой археологической науке не выработано достаточно четких критериев. В частности, он считает не вполне правомерной подмену археологической периодизации периодизацией чисто геологической, что имело место в работах Ф. Бурдые (культуры рисские, мицдельские и др.). Рассматривая мустьерскую эпоху (средний палеолит) как закономерное звено в схеме общего развития материальной культуры человечества, А. Н. Рогачев обращает особое внимание на тот факт, что в этот период формируются высокоразвитые культуры, являющиеся прямыми (в противовес П. И. Борисовскому он не считает переход к верхнему палеолиту скачком в развитии) предшественниками и прообразам культуры верхнего палеолита. Он высказывает также против мнения о крайней примитивности культур нижнего палеолита. В этой связи А. Н. Рогачев считает необходимым пересмотреть слишком категоричный тезис А. Г. Спиркина об отсутствии инстинктивных форм труда. Без этой переходной стадии он не видит возможности выяснить процесс перехода от чисто биологического состояния к форме общественной. А. Н. Рогачев отмечает большую важность проблем исторической интерпретации археологических объектов и необходимость постоянного участия в этой работе специалистов различных научных дисциплин.

Г. П. Григорьев в своих выступлениях коснулся трех существенных проблем. Во-первых, он указал, что состояние изученности костных остатков дошелевого времени не позволяет говорить определенно о характере функций кисти руки у обезьяно-человека. Во-вторых, он полагает, что обнаруженные в Восточной Африке в ущелье Олдовэй следы деятельности обезьяно-человека (круг, выложенный из крупных камней, крупные кости вокруг жилых площадок) свидетельствуют о сравнительно высокой общественной организации. В связи с этим, в-третьих, Г. П. Григорьев пытается усомниться в правомерности применения термина «человеческое стадо» применительно к группам гоминид шельского и тем более последующего стадо» времени. В качестве аргументов для своего вывода он оперирует данными о специфике обезьяньих групп.

³ В целях большей компактности изложения и сохранения единства в основных направлениях дискуссии порядок, последовательность выступлений кое-где в дальнейшем нарушаются.

Н. Д. П р а с л о в возражает против представления о переходе от мустье к верхнему палеолиту как о качественном скачке. По его мнению, это не скачок, а лишь переход из одного хронологического периода в другой.

В выступлении И. И. К о р о б к о в а формулировалось представление о различных путях развития производства каменных орудий у отдельных человеческих групп на узко локальных территориях начиная с ашельского времени. В качестве иллюстрации этого положения И. И. Коробков приводит примеры археологических памятников, в которых представлены в одних случаях исключительно так называемые пластины типа леваллуа, а в других — орудия с двусторонней обработкой или изготовленные из отщепов камня.

О. Н. Б а д е р, посвятив несколько слов проблеме мустьерских жилищ и указав, в частности, на вероятное наличие жилищ в стоянке Волчий Грот в Крыму, в основном остановился на вопросе о ранней границе среднего палеолита. Он относит эту границу к ашельской эпохе, во всяком случае к концу ее, который характеризуется возникновением предпосылок оседлости, начатками строительства искусственных жилищ, постоянным использованием огня, изготовлением одежды. Основным техническим достижением, относящимся к началу среднего палеолита, можно считать возникновение техники леваллуа. Обращаясь к характеристике общественных явлений, О. Н. Бадер отмечает возможность наличия дуальной организации у неандертальцев и большую пригодность, по сравнению с термином «первобытное стадо», предложенного для характеристики первоначальных человеческих группировок, термина «первобытная орда», введенного П. П. Ефименко. Движение человеческих групп на север в среднем палеолите, совпадающее по времени с очередным периодом похолодания, О. Н. Бадер пытается увязать с качественным ростом человеческой культуры в среднем палеолите. В другом своем выступлении О. Н. Бадер поделился своими личными впечатлениями от посещения стоянки Вертешселеш во время работ Международного симпозиума по проблеме селета, состоявшегося в 1966 г. в Венгрии⁴.

Своими соображениями о роли геохимических и генетических факторов в процессе очеловечивания высших обезьян поделился с присутствующими Г. Н. М а т ю ш и н. А. А. К р а й н о в, предостерегая от недооценок и неточностей в толковании высказываний классиков марксизма, посвященных первобытному прошлому, основную часть своего выступления посвятил необходимости разработки проблем формирования голосового аппарата наших ископаемых предков.

Т. А. Т р о ф и м о в а в своем выступлении критиковала доклад В. П. Алексева за чрезмерно узкий, чисто биологический подход к проблеме происхождения человека. Она отметила также, что не следует переоценивать значение экспериментов С. А. Семенова в области воссоздания древнейших трудовых процессов, связанных с изготовлением каменных орудий, поскольку физическое развитие и интеллект ископаемых гоминид существенно отличны от специфики их у современного человека.

В. И. Г р о м о в приветствовал возобновление интереса к роли биологических явлений в изучении антропогенеза. Возражая П. И. Борисовскому, В. И. Громов в соответствии со своей хронологической схемой считает возможным определить возраст стоянки Вертешселеш в полмиллиона лет, и в то же время полагает, что общие рамки антропогенеза в 2 млн. лет ни в коей мере не могут оцениваться как «удар по историзму»; он не включает также неандертальцев в число прямых предков современного человека. Соглашаясь с В. П. Алексеевым в оценке мустьерского времени как важного и обособленного периода в палеолите, он не разделяет точки зрения о преимушественном значении прямохождения в процессе антропогенеза; гораздо большая роль, по его мнению, принадлежит здесь крупным изменениям физико-географических условий.

По мнению И. Г. П и д о п л и ч к о, развитие дискуссии показало, что первоначальные рамки симпозиума, определенные проблемой становления человеческого общества, сузились до подведения итогов современного состояния проблем антропогенеза. Это связано отчасти с отсутствием на симпозиуме доклада о геолого-географических условиях четвертичного периода и с малым вниманием в самом ходе обсуждения к этим вопросам. Это тем более существенно, что экологические границы распространения человека и приматов не совпадают: последние не достигали более высоких широт, чем 45° сев. широты. Критикуя А. Г. Спиркина, И. Г. Пидопличко считает, что он недооценивает значения прямохождения в процессе антропогенеза.

Несколько выступлений были направлены на рассмотрение специальных антропологических проблем, связанных с возникновением человечества. В развернутом и очень содержательном сообщении В. В. Б у н а к а подчеркивается принципиальная важность удревнения границ антропогенеза на основании не одних лишь антропологических, но и археологических данных. Впрочем, и сейчас еще нельзя утверждать, что мы имеем дело с фактами, относящимися к наиболее древним периодам антропогенеза. Ведь различия между дромопитеком и человекообразным австралопитеком значи-

⁴ О. Н. Б а д е р, Международный симпозиум по проблеме селета в Венгрии, СА, 1968, № 1.

тельно больше, чем между этим последним и питекантропом. Таким образом, выявление древнейших звеньев эволюции антропоидов еще только предстоит. Эволюция не представляется однолинейной, она предстает как бы в форме параллельных ветвей одного куста. Так, в мустье, должно быть, сосуществовали отживающие питекантропы, неандертальцы и пресапленсы. Но специфика классификации должна состоять не в выделении особых соматических типов, присущих той или иной культуре, а в выяснении последовательности эволюции мышления, понятий, речи. Родовую организацию можно отнести теперь к мустью, а возможно и ранее, к началу леваллуа. Первобытное стадо являлось формой организации питекантропов. Система общественной организации у их предков пока остается под вопросом. В. В. Бунак предлагает проанализировать фактическое содержание ряда примененных в докладах и дискуссии терминов, таких, как «стадо обезьян», «человеческое стадо», «орудия», «труд» (деятельность по изготовлению орудий явно отлична от сбора плодов); В. В. Бунак указывает на недостаточную конкретность ряда положений доклада А. Г. Спиркина. Так, остаются неясными соотношения труда и сознания, жеста и речи и т. д.

М. И. Урысон говорит, что В. П. Алексеев развивает в своем докладе ряд узловых проблем в теории антропологии и положений своих предшественников. М. И. Урысон соглашается с выделением семейства гоминид на основе прямохождения (он предлагает называть *Hominidae* в русском переводе «человечьи»), а также и подсемейства австралопитецинов. Однако у него есть целый ряд поправок к системе классификации, предложенной В. П. Алексеевым, которые пока, к сожалению, нельзя обосновать морфологически. Вообще в оценке формирования человека следовать одним лишь морфологическим признакам невозможно, так как часто просто нельзя здесь отвлечься от моментов общественных. Так, презинджантроп по своей деятельности (изготовление орудий), несмотря на глубокую древность находок, должен быть отнесен не к подсемейству австралопитецинов, а к подсемейству людей (гоминины). Это тем более обосновано, что несмотря на малочисленность сведений о строении кисти ископаемых гоминид (о кисти питекантропа вообще ничего неизвестно), у презинджантропа была столь развита кисть, что он способен производить галечные орудия. М. И. Урысон обращает также внимание на разные принципы в проведении границ внутри семейства гоминид, отразившиеся в докладе В. П. Алексеева. Нижней границей семейства гоминид служит прямохождение, австралопитека от питекантропа отделяет строение кисти, питекантроп и неандерталец различаются по объему мозга, который, кстати, сильно варьирует в пределах каждого вида и потому нуждается в четких указаниях пределов величин, и наконец, неандерталец отличается от гомо сапиенса структурой мозга. В некоторых поправках нуждается также, по мнению М. И. Урысона, внутренняя классификация подсемейства гоминины. Необходимо же, по мнению М. И. Урысона, пользоваться не отдельными признаками, а их комплексом.

В выступлении В. И. Кочетковой особенно подчеркивался тот факт, что объем мозга не является надежным критерием при создании классификации гоминид. Решающее значение может иметь структура мозга⁵. Зачатки специфически человеческих корковых зон прослеживаются начиная лишь с архантропов (питекантроп, синантроп). Более древние находки по структуре мозга сопоставимы только с современными человекообразными обезьянами. Но для этих последних характерно совершенно иное распределение внимания, чем для человека и его очевидных предков. Человекообразная обезьяна сосредоточивает всегда свое внимание исключительно на предмете, находящемся в ее руке, смысл действий, которые она с помощью этого предмета может производить вовне, не попадает в сферу ее внимания. В случае же применения галек и костей в качестве орудий австралопитецинами явно, что сами орудия не служили предметом специального интереса, а являлись лишь средством для выполнения трудовых операций, это совершенно другой качественно подход к орудиям и предметам, зажатым в руке. Но если все же сопоставление между австралопитецинами и современными приматами полностью правомерно, то презинджантроп не мог быть творцом оловянской галечной индустрии. Таким образом, по мнению В. И. Кочетковой, промежуток времени, разделяющий презинджантропа и архантропов, нельзя присоединять к древнейшим периодам человеческой истории, этот временной промежуток должен был уйти на формирование нейрофизиологических предпосылок человеческой трудовой деятельности.

В ряде выступлений преимущественное внимание было уделено методологическим и философским аспектам проблемы возникновения человеческого общества.

Выступая с замечаниями по докладу А. Г. Спиркина, С. А. Токарев утверждает, что многие стороны развития общественной организации и духовной культуры древности можно понять лишь благодаря этнографическим исследованиям. В докладе А. Г. Спиркина представление об общественном сознании лишь декларировано, а не развито. С. А. Токарев приводит краткий обзор формирования в этнографической науке взглядов на соотношение индивидуальных и коллективных представлений

⁵ Подробнее см. В. И. Кочеткова, Основные этапы эволюции мозга и материальной культуры древних людей, «Вопросы антропологии», вып. 26, 1967.

и указывает, что до сих пор наименее разработанными в исследованиях археологов и философов остаются нормы умственной деятельности, формы и специфика логических понятий первобытных людей. В решении этих проблем ведущая роль сейчас принадлежит этнографии.

Продолжая эти мысли, А. Н. Б у т и н о в подчеркивает, что реконструкция общественных отношений древнейшего прошлого может осуществляться лишь на основе этнографических знаний. Однако прямая ретроспекция этнографических данных может быть пока распространена на период, не древнее мезолитической эпохи. Далее Н. А. Бутинов сообщает о специфических чертах во взглядах на развитие общественных отношений палеолитического периода в советской науке о первобытности: в конце 20-х и в 30-х гг. верхний палеолит трактовался как «дороговое общество», с конца 30-х гг. и до последнего времени эту эпоху оценивали как «родовое общество», теперь же «родовое общество» вводят в средний палеолит. Н. А. Бутинов считает, что родовые институты существуют лишь у земледельцев, а у охотников каменного века формой общественной организации являлась кровнородственная община, модель которой он и пытается воссоздать.

В. М. Б а х т а сожалеет о том, что программой симпозиума не был предусмотрен специальный доклад, обобщающий достижения советской этнографии в истолковании первобытных общественных отношений. Это тем более необходимо, потому что во всех трудах, посвященных формированию человеческого общества, древнейшим этапам его истории, постоянно, но порою и произвольно, привлекаются этнографические факты. В. М. Бахта обращает внимание на то, что уже древнейшие формы производства создают прибавочный продукт. Этот вывод дает возможность анализа древнейших общественно-экономических отношений. Последние, по его мнению и должны быть положены в основу периодизации первобытного общества.

По мнению С. А. С е м е н о в а, проблема происхождения человека находится сейчас в критической фазе. Обнаруженные в Олдовэйском ущелье галечные орудия делали существо с мозгом, почти не отличимым от мозга высших обезьян. Это ставит новые проблемы в изучении первоначальных трудовых процессов, а также приводит к выводу, что на стадии *homo habilis* трудовые процессы еще не нашли отражения в структуре мозга древних гоминид.

В выступлении В. Ф. З и б к о в ц а прозвучала уверенность, в том, что генезис духовной культуры и дорелигиозных представлений, выясненный к настоящему времени в философском плане, может решаться теперь уже на основе многочисленных археологических и этнографических фактов также и в конкретно-историческом аспекте.

В. М. М а с с о н в своем выступлении заметил, что П. И. Борисковский слишком осторожен в своих выводах об удревнении первоначальных этапов формирования человечества. Это удревнение имеет систематический, а не случайный характер, и сказывается на всех стадиях каменного века, включая и период формирования производящих форм хозяйства (неолит). Ему кажется также, что при характеристике скачка, произошедшего на грани древнего и позднего палеолита, П. И. Борисковский исходит не столько из археологических данных, сколько из факта появления *homo sapiens*, т. е. опирается на критерий чисто антропологический. В. М. Массон призвал шире популяризировать новые важнейшие археологические открытия.

Некоторые соображения о принципах организации и проведения симпозиума, а также о необходимости дальнейшей работы в этом направлении высказал Д. А. К р а й н о в.

В заключительных словах докладчики, коснувшись адресованных к ним замечаний, вновь кратко формулировали основные положения своих докладов.

Многочисленность выступлений на симпозиуме, разнообразие их тематики, различие подходов отдельных специалистов в сложных проблемам, затронутым в докладах и в ходе дискуссии, показали необходимость продолжения и расширения наблюдений и исследований во всех аспектах проблемы становления человеческого общества.

Подводя итоги работе симпозиума, директор Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР член-корреспондент АН СССР А. П. О к л а д н и к о в суммировал основные итоги двухдневной работы.

Симпозиумом были поставлены на обсуждение узловые проблемы науки о древнейшем прошлом человечества. Они были комплексно освещены по меньшей мере с трех основных сторон. Первая сторона — это проблема формирования собственно человека как антропологического типа. Вторая — это человек как социальное существо. И, наконец, проблема о происхождении и роли сознания на ранних ступенях развития. При всем многообразии точек зрения и видимой несхожести трактовок существенных вопросов возникновения человеческого симпозиум выявил основные, принципиальные позитивные моменты, в которых выводы специалистов разных научных дисциплин в основе своей едины. Прежде всего человеческая история действительно удлинняется вдвое. В связи с этим по-новому встают вопросы о соотношении моментов социальных и досоциальных, биологических в процессе становления человечества.

ва. Этот длительный и сложный процесс нельзя представлять упрощенно даже при необходимости втиснуть его в жесткие рамки классификаций. Правильно, хотя и в несколько резкой форме, затрудняющей его верное понимание, оценивает В. П. Алексеев значение прямохождения в гомонизации наших животных предков. Возникновение этого нового качества в недрах животного мира потому и сыграло важнейшую роль, что тесно связано с развитием трудовых процессов у гоминид. Именно труд создал предпосылки к возникновению человеческого общества, а процесс его становления фиксируется вещественными документами с первых галечных орудий. С этого момента необратимо идет накопление человеческих качеств, выковывание прочных промежуточных звеньев между древностью и современностью, в облике творцов каменных орудий и в их культуре, за которыми стоят все более и более сложные коллективные отношения. Для характеристики этих соотношений советские специалисты традиционно применяют термины «человеческое первобытное стадо» и «человеческое родовое общество», и пересматривать их нет необходимости.

Термин «первобытное стадо» в нашей науке никогда не приравнивал входивших в него ископаемых гоминид и их организацию к стадной организации животных, высокий уровень и своеобразие организации первобытного стада подчеркивался и прибавлением слова: «человеческое». Это особое объединение формирующихся людей теперь, в свете новых открытий, предстает перед нами в еще большей степени наделенным типично человеческими общественными свойствами. Удревнение его на миллион лет — это не просто механическое прибавление огромного промежутка времени к процессу формирования человека: все дело в том, что в это время в среде формирующихся людей накапливается энергия для новых физических и общественных изменений. Как же провести границу между первобытным человеческим стадом и родовым обществом? Здесь вполне может быть принята за основу периодизация, предлагаемая П. И. Борисковским. Первобытное стадо соответствует эпохе нижнего палеолита, включая сюда и заключающую ступень — ашель и мустье. В эту эпоху формируются и человек и его общество. Появление сформировавшегося человека современного типа в начале верхнего палеолита начинает историю родового общества. Но основные элементы для перехода к этой более сложной общественной организации сложились еще к концу мустье: погребальный обряд с ориентировкой покойника по линии запад—восток, довольно развитая эстетическая деятельность и т. д. Искусство позднего палеолита, корнями уходящее в мустье, особенно отчетливо демонстрирует механизм образования человеческого начала, важная роль в котором принадлежит эстетическим моментам. Необходимо, заключает А. П. Окладников, продолжать в советской науке цепь передовых открытий, связанных с именами П. П. Ефименко, С. Н. Замятина и других исследователей, во многом подготовивших новейшие успехи мирового палеолитоведения, одновременно отмежевываясь от методологически реакционных направлений в науке о прошлом. В конце выступления следует благодарность устроителям симпозиума.

П. М. Кожин, Б. А. Фролов

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС МИКЕНОЛОГОВ

Прошло немногим более 10 лет с того дня, когда в небольшом французском городке Жиф-сюр-Ивет собрались ученые ряда стран для осмысления сделанной М. Вентрисом дешифровки критского линейного письма В и выработки программы исследований на ближайшие годы. Начался период формирования и бурного развития самой молодой отрасли науки об античности — микенологии. Ее представители неоднократно встречались на конференциях, симпозиумах и съездах. Из года в год рос объем научной литературы.

Однако в деятельности микенологов наблюдалась и известная разрозненность, несогласованность действий, порой дублирование в работе. Возникла необходимость в создании научных центров, которые смогли бы координировать усилия ученых различных стран. Один из них возник некоторое время тому назад в Италии при Римском университете. Центр Микенских исследований, возглавляемый известным итальянским ученым проф. К. Галлавогги, стал инициатором созыва и организации Первого Международного микенологического конгресса, который состоялся в Риме с 27 сентября по 3 октября 1967 г. Конгрессу предстояло подвести итоги работы за истекшее 15-летие, добиться усиления координации в деятельности микенологов в национальном и международном плане, наметить ближайшие задачи и перспективы дальнейшего развития микенологических исследований. В конгрессе приняло участие свыше 1000 ученых из более чем 40 стран, 43 университетов и 50 научных учреждений.